

Глава 1

БРАТ И СЕСТРА

— Участь моя решена, я женюсь. Отец сказал, что откладывать больше нельзя.

Для Клер эти слова прозвучали как пощечины. Одиннадцатый штурк, у нее даже лицо заболело.

Эдвард никогда не поднимал на нее руки. Они прожили вместе семь лет, и все это время Клер считала, что у них идеальная семья. Пусть их союз не освящен в церкви, пусть они не приносили клятвы Двоим, но они были семьей. Они любили друг друга.

И теперь все рухнуло.

«Как же я? — хотела спросить Клер. — Как же наши дети?»

Ей хотелось закричать. Ей хотелось устроить отвратительную, совершенно бабскую истерику, чтобы выплеснуть из себя все, что сейчас кипело в душе. Но Клер знала, какую женщину в ней любил Эдвард, и лишь спросила:

— Что же будет со мной? С нашими детьми?

Эдвард Бренуи, принц Седьмого дома, обернулся к ней, и Клер против воли снова залюбовалась им. Все эти семь лет она не могла насмотреться на него и знала, что ее чувство взаимно.

И надеялась. Совершенно по-глупому надеялась, что однажды, может быть...

— Я люблю тебя, — произнес Эдвард, и Клер знала, что он искренен. Он никогда не врал ей. — Я люблю наших детей. Но пожениться мы не можем, Клер.

Клер кивнула. Она всегда это знала.

Кто она была? Девушка-бастард, незаконнорожденная дочь главы одного из дарангварских домов, которую его величество Малоун выбрал для того, чтобы проверить, способен ли сын зачать ребенка. Клер всегда знала, что от нее требуется: зачать, родить и убраться с глаз долой. Она была никем. Ей следовало лишь благодарить за оказанную милость.

Но они полюбили друг друга. И Клер надеялась, что однажды...

Она все-таки не выдержала. Обхватила Эдварда за плечи, уткнулась лицом в грудь и расплакалась. Она не могла его потерять — и теряла прямо сейчас.

— Клер, — услышала она голос Эдварда откуда-то с невообразимой высоты, — я не оставлю тебя, слышишь? Ты все равно будешь жить в этом дворце. Дети тоже. Для вас ничего не изменится. Я люблю тебя, только это имеет значение. — Он гладил Клер по волосам, и она слышала, как гулко бьется его сердце, почти как тогда, когда они занимались любовью.

— Это династический брак, — произнес Эдвард, отстранив Клер и глядя ей в глаза тем самым взглядом, каким смотрел, когда она выносила к нему детей. — Я люблю ее и никогда не полюблю. Я женюсь по приказу отца, и мы все это понимаем. Он хочет объединить дома Лебеда и Волка, вот и все.

«И ты ляжешь с ней в постель, мой Эдвард, — подумала Клер. — И она родит тебе детей. И мы будем встречаться урывками и никогда не сядем за один стол, а потом ты скажешь, что я должна выйти замуж. И вот так закончится наша история».

Она никогда не думала, что может чувствовать настолько глубокую боль и не умирать от нее.

— А как же твоя жена? — спросила Клер, не отводя взгляда от Эдварда. Когда еще она сможет посмотреть на него вот так, открыто, не боясь и не прячась.

— Это династический брак, — повторил Эдвард. — Между нами нет и не может быть никакой любви. Она все прекрасно понимает.

«Она всего лишь девочка, — подумала Клер. — Она, должно быть, верит в сказки и любовь. Я была такой же».

Потом она вышла в сад и села у фонтана — по счастью, здесь никого не было, некому было жалеть ее или язвить по поводу падения фаворитки принца. Клер откинулась на спинку скамейки и стала смотреть, как воробей прыгает по краю фонтана.

Она потеряла Эдварда, а что же у нее есть? Двое детей, признанные принцем. Конечно, Антони и Эвила никогда даже близко не подойдут к трону, но у них есть и деньги, и право быть рядом с отцом. Вот удивится юная принцесса с полуострова, когда узнает, что у ее мужа уже есть семья.

Клер печально усмехнулась. Это не семья. Пора понять это и смириться.

— Сьоррен Клер!

Клер обернулась — по дорожке неспешно шел господин Бруно Стафани, Тень короля, глава секретной службы Дарангвара. Меньше всего Клер сейчас хотела общаться с ним, но она верила, что Двое никогда не посылают людей друг к другу просто так.

— Сьор Стафани, — улыбнулась она. Надо быть спокойной и вежливой, надо хранить свою боль при себе. Ее все равно никто не пожалеет.

Стафани со вздохом опустился на скамейку рядом с ней. Долговязый, лысеющий, тощий как щепка, он производил обманчивое впечатление мягкого человека. Но

Клер знала, что те, кто считает сьора Стафани добродушным простачком, совершают самую крупную ошибку в своей жизни, а она не собиралась ошибаться.

— Вы уже слышали о свадьбе принца? — спросил Стафани так, словно Клер могла и не знать об этом.

— Разумеется, сьор Бруно, — ответила она.

Стафани понимающе улыбнулся.

— Я вижу, что вы расстроены.

— Не буду отрицать.

Стафани прикрыл глаза. Клер подумала, что никто ничего о нем не знает. Интересно, сложно ли держать в полной, непроницаемой тайне всю свою жизнь?

— Тогда и я не буду играть с вами в игры, — произнес Стафани. — Вы мне нравитесь, сьоррен Клер. Я предпочел бы видеть королевой Дарангвара вас, а не Лию Окли.

Воробей свирепо чирикнул и был таков. Клер внезапно почувствовала острый прилив мстительной радости.

— Продолжайте, сьор Бруно, — сказала она, — я вас внимательно слушаю.

Стафани позволил себе едва заметно улыбнуться уголком губ.

— У меня есть все основания считать, что вместе с принцессой сюда приедет Авриль Тисон.

Клер удивленно посмотрела на него.

— Ему-то что тут делать? Государь его примет, конечно, как не принять юродивого...

— Да, да, да! — рассмеялся Стафани. — Он юродивый во имя богов, он мужчина, который называет себя женщиной и ведет женскую жизнь при храме Черной матери Глевы. Знаете, если бы я хотел спастись от гнева его величества Малоуна, я бы сделал то же самое.

Клер понимающе кивнула. Король Малоун когда-то занял трон Дарангвара, убив отца Авриля. Принц какое-то время считался пропавшим без вести, а потом

всплыл на юге в облике ритуальной шлюхи и форменно-го сумасшедшего. Клер видела его портрет в газете — на нее смотрела очаровательная девушка, но Клер почему-то стало знобить от ее взгляда.

— Хотите сказать, что он притворяется? — нахмурилась Клер.

Стафани кивнул, сделавшись похожим на сонного кота.

— Разумеется. И пара моих маленьких ушей на юге сообщает, что он может объявиться в наших краях в свите принцессы Лии. Понимаете, чем это может кончиться?

Клер понимала.

— Так чего вы хотите от меня, сьор Бруно?

Стафани обернулся к ней и снова улыбнулся так, что Клер поняла: у нее все-таки есть надежда.

— Вы, кажется, владеете заклятием Тени? — осведомился Стафани, и Клер едва не лишилась чувств от накатившего ужаса. Стафани ободряющим жестом накрыл ее руку своей. — Ну, ну... все хорошо, сьоррен Клер.

— Если вы кому-то расскажете об этом, меня ожидает костер, — прошептала Клер. — Сжальтесь, сьор.

Стафани сочувственно кивнул.

— Я не болтлив, Клер. Ну так что, поможем друг другу?

— Поможем, — шепнула Клер.

Видят Двое, ей больше нечего было ответить.

* * *

В полиции Хвоста служило полное дурачье. Во всяком случае, Перри так считал, когда сюда переехал.

Собственно, теплый и сухой климат полуострова всегда настраивал на разнеженный лад и на отдых в тени с пиалой зеленого чая в руке за сочинением пятистиший о любви и вине. Но сейчас, когда два стража порядка гна-

лись за ним с приличной скоростью, Перри готов был пересмотреть свои убеждения.

Он промчался по Малой Яблоневой, нырнул в арку доходного дома, пробежал по двору и, вырвавшись на площадь Кракена, понял, что офицеры по-прежнему несутся за ним, не сбавляя скорости. Даже не запыхались.

На мгновение Перри сделалось обидно. Но только на мгновение.

Не стоило бить эту суку по голове. Но уж больно она его довела своей кислой рожей, которую он лицезрел каждый день. Когда муж приходит домой, приличная жена должна встречать его с улыбкой, а не со слезами. Что делать, перегнул палку. Получив удар, Мали не заткнулась; когда он повалил ее на пол и наступил ногой на шею, она все равно продолжала выть.

Перри хорошо бегал. Но сегодня ему не повезло.

Он надеялся, что сможет оторваться от полицейских среди прилавков и закоулков рыбного рынка, но тамошняя охрана увидела погоню и решила если не поучаствовать, то хотя бы подгадить. Теперь за Перри гнались уже пятеро и, поскользываясь на рыбьей чешуе и панцирях креветок, он мог радоваться только тому, что выкинул Мали из окна их съемной квартиры и она наконец-то заткнулась.

Человек пришел в ярость. Имел право, эта тварь пилила его несколько месяцев и забрюхатела обманом.

Она все делала ему назло. Даже упала и разбила свою пустую башку прямо перед полицейскими, которые шли в таверну. Не дала людям пообедать.

Рыбный рынок остался позади и Перри почувствовал, что выдыхается. Но и преследователи поотстали; он воспользовался случаем и, срезав хороший крюк через дворы, снова выбежал в приличный район города и увидел

впереди колонны дворца Черной матери Глевы, обиталища ритуальных девок.

Что ж, это было везение. Девки Черной матери принесли удачу, а удача ему сейчас не помешает.

Полицейские окончательно отстали. Перри слышал сверлящий звук их свистка, но где-то справа, в стороне. Остановившись, Перри отдышался и дальше пошел уже с видом спокойного добропорядочного гражданина. Он ведь и был таким, пока не связался с этой тварью Мали.

Перри увидел бисалли, храмового юродивого, когда поднялся по ступеням и вступил в прохладную тень портика. Бисалли вышел прямо на Перри, тот сбавил шаг и опустил глаза.

Ритуальные шлюхи — это одно, а безумец во славу богов — совсем другое дело. И магия у него особенная, у этого сумасшедшего мужчины, называющего себя женщиной.

Злая магия. Страшная.

Бисалли посмотрел в лицо Перри, улыбнулся, и какое-то время Перри не видел ничего, кроме темно-карих подведенных глаз. Ему казалось, что они смотрят глубоко-глубоко, в самую его душу, где было темно, холодно и безнадежно. Там не было ничего, даже демонов — только пепел.

Полицейский свисток вдруг послышался совсем рядом, и Перри дернулся — надо было бежать, спастись! Бисалли улыбнулся, и он почувствовал эту улыбку, словно огненную сеть, выброшенную на голову.

Бисалли смотрел ему в душу и видел все.

И удары, которыми Перри награждал Мали, и его ногу на ее шею, и тело на мостовой.

И Мали снова умоляла, взывая о помощи и мести, — и ее услышали и ответили согласием.

«Кажется, полиция намного лучше», — успел подумать Перри. Бисалли дотронулся до его лба и произнес негромким голосом, не мужским и не женским:

— Будь ты проклят.

В ту же минуту полицейские схватили Перри, скрутили и поволокли по ступенькам. Тогда он завыл, чувствуя, как тьма, наполнявшая его, выплескивается наружу, расцветая первыми язвами на груди под рубашкой.

— Спасибо, — услышал Перри, голос одного из полицейских летел из невообразимой дали.

Бисалли улыбнулся, его улыбка расцвела во тьме, запульсировала ударами крови.

— Он ваш, офицеры, — произнес бисалли, и стало совсем темно.

* * *

В западной части дворца было жарко и пахло похотью.

Итан прошел по залу, где ритуальные проститутки отдыхали возле большого бассейна, и остановился у ступеней — двери, к которым они вели, были закрыты. Главная жрица Глемона, уже немолодая, но энергичная, как в юности, оторвала взгляд от гроссбуха, посмотрела на Итана и расплылась в профессиональной приветливой улыбке.

— Господин полковник! Не ожидала вас здесь увидеть!

«Еще бы ты ожидала, — хмуро подумал Итан. — Сильные братья не ходят к ритуальным шлюхам, нам хватает денег и удачи без их участия. А грехи... Наши грехи нам отпустит его величество Стиос и Двое».

Да и какие особые грехи могут быть у службы безопасности государства?

— Я по делу, — сухо сказал Итан, и Глемона сразу же сделалась спокойной и серьезной, ни дать ни взять управляющая в банке. Впрочем, финансовые дела ритуальных шлюх требуют не меньших навыков и ума.

— Чем могу помочь?

— Мне нужен Авриль, — произнес Итан, и по спине почему-то потянуло холодком.

Глемона понимающе кивнула и посмотрела на Итана чуть ли не с сочувствием.

— Она сегодня не принимает. Бедная девочка, столкнулась с настоящим убийцей у дверей, вы только представьте себе! Сейчас отдыхает.

— Он меня примет, — с нажимом промолвил Итан, и Глемона будто бы только сейчас заметила, что он вооружен. А с Сильного брата станется и применить оружие, если что-то будет не по нему.

Он, конечно, не стал бы стрелять в этом дворце. Никто не стал бы. Ложе ритуальной шлюхи приносит удачу, деньги и избавление от грехов, и никто не будет устраивать возле него пальбу.

Глемона вздохнула.

— Я спрошу, — сказала она и неторопливо поплыла к дверям.

Итан постоял, поглядел по сторонам. Пришла компания смуглых островитян купеческой наружности, и девицы сразу же поднялись с диванчиков и со смехом отправились встречать гостей. Засуетились служанки с подносами вина и фруктов, и Итан довольно подумал, что на него не обращают внимания.

Вот и хорошо.

Вернулась Глемона, оставила дверь открытой и сказала:

— Она вас ждет, господин полковник.

Ее удивленный вид дорогого стоил. Итан кивнул и, войдя, оказался в длинном коридоре с множеством дверей, как в гостинице. Одна из них была открыта; чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, Итан пошел вперед.

Нужная комната оказалась просторной и со вкусом обставленной в южном духе: множество подушек на пышном ковре, легкие ширмы с нарисованными журавлями, длинные узкие зеркала. Скользнула тень, и из-за ширмы вышла девушка в домашнем платье с открытыми плечами и широким поясом. Итан на мгновение замер.

Он слышал об Авриле, даже видел его однажды издали, но вот так, почти вплотную, они никогда не сталкивались. Да, его даже вблизи можно принять за девушку. Хорошенькая, ухоженная, с длинными ресницами и слегка припухшими губами, в ней не было ни следа того порока, который окутывал ритуальных шлюх, только глубокое, неизбывное горе и холодная отстраненная красота, невольно соблазняющая.

Итан напомнил себе, что перед ним не девушка. Не стоило об этом забывать, глядя на светлые волосы, уложенные в изящную прическу, и маникюр. Мужчина и черты все же мужские, их смягчает лишь доброжелательное выражение лица.

— Полковник Сильных братьев, — негромко произнес Авриль. Губы дрогнули, обозначив улыбку, но глаза остались ледяными. — Вы ведь не ходите к ритуальным проституткам.

— Не ходим, — кивнул Итан и, щелкнув каблуками, официально представился: — Полковник Итан Блэкмур, к вашим услугам. Счастлив видеть вас, ваше высочество.

Авриль усмехнулся. Сходство с девушкой на мгновение покинуло его, обнажив суть безумца, опального

принца из павшего дома, юродивого, который надел женское платье и стал ритуальной шлюхой.

Впрочем, спустя несколько секунд перед Итаном снова была холеная красавица с цветочными гребнями в волосах.

— Меня так не называли... — Авриль прищурился на лампу, задумчиво пощелкал пальцами, — да, десять лет. Я не «ваше высочество», полковник. Я всего лишь бедная девушка с магией. Понятия не имею, почему мной вдруг заинтересовались спецслужбы.

Итану захотелось взять его за плечи и как следует встряхнуть. Он непроизвольно сжал кулак левой руки — и разжал пальцы. В этом Авриле не было ни капли безумия, Итан умел отличать маски от настоящего лица.

Принц притворялся сумасшедшим. Называл себя женщиной, спасая свою жизнь.

Как его вообще можно принять за девушку?

— Ловко, не спорю, — произнес Итан. — Вы юродивый, бисалли, убить вас — навлечь проклятие на свой род. Никто в здравом уме на это не пойдет. Вы ритуальная шлюха, которая владеет магией и приносит удачу. И проклинаят заодно. Я видел, как уносили того бедолагу, он истекал кровью.

Он вдруг обнаружил, что сердце колотится быстро-быстро. Лицу сделалось горячо.

Авриль смотрел неотрывно. Итану неожиданно и остро захотелось дотронуться до его лица, чтобы этот холодный колючий взгляд изменился и сделался мягче и теплее.

Двое всемиловитые, да что с ним такое!

— И узурпатор не пошлет к вам наемных убийц, — продолжал Итан. — Ваше безумие никогда не поможет

вам вернуть трон вашего отца. Я понимаю, что так вы спасаете себя и сестру, но...

Авриль усмехнулся. В глазах, глубоко-глубоко, мелькнула тоска.

— Стоит ли так много говорить, полковник? — спросил он. — Вы теряете мое время, лучше перейдем к делу. Я правда не думал, что у вас ориентация под цвет глаз, но раз уж так...

В ту же минуту Итан впечатал его в стену и сжал пальцы на шее — и только потом отметил это «не думал». Авриль схватил его за запястье, в его взгляде мелькнули холодные искры — ожила магия, которая окружает ритуальных девок, когда они приходят к Черной матери Глеве.

— Полковник, я понимаю ваше нетерпение, — в голосе Авриля был чистый мед, — но предпочитаю активную позицию. Во всех смыслах.

Итан ощутил едва уловимый укол в пах. Опустил глаза — в другой руке Авриль держал маленький нож с изогнутым лезвием.

Жар отступил, Итан неожиданно успокоился.

— Вы спасаете свою жизнь этим маскарадом, — произнес он. — Свою и вашей сестры. Но может быть, пора вернуть то, что принадлежит вам по праву? Король Ворон пал в ночь Птичьей звезды, и его дому пора подняться из пепла.

Нож уперся сильнее. Итан невольно подумал о том, сколько народу уже приходило к Аврилю, принцу из павшего дома Ворона, уговаривая его свергнуть узурпатора.

На всех ли он смотрел вот так, горячо и горько?

— Убирайтесь, — негромко произнес Авриль. — Убирайтесь, пока я не выхолостила вас.

Итан отступил и какое-то время не видел ничего, кроме темно-карих, почти черных глаз.

— Кстати, это был не бедолага, — прошелестел голос принца. — Это был садист и мерзавец, убивший свою жену.

На этом все и кончилось. Итан не запомнил, как вышел из комнаты, как оказался на улице. В памяти остался лишь темный мертвый взгляд Авриля, который он чувствовал на своей спине, словно ожог, и негромкое звяканье ножа, выпавшего из руки.

Итан опомнился только тогда, когда вышел на Морской проспект и увидел два шпиля главного храма.

Он остановился, прижал руку ко лбу. Надо было прийти в себя, что за наваждение, в конце концов! Мальчишка-водонос, бежавший по улице, замедлил шаг, заметив потенциального клиента. Итан махнул ему рукой и, выпив большой стакан ледяной воды, понял, какого дурака свалил.

Авриль привык жить вот так. Ему не нужно возвращать себе давно потерянную корону. В жизни бисалли, блаженного, угодного богам, есть все, что нужно: крыша над головой, хорошая еда, душевное спокойствие и всеобщее уважение. Если приложить к этому гарантии безопасности для себя и сестры, чего еще хотеть? Малоун, глава Седьмого дома и владыка Дарангвара, никогда не отважится окончательно уничтожить Авриля.

Гнев богов? Спасибо, не надо. Малоун слишком любит свою семью, чтобы ею рисковать. Он не захочет умирать от кровоточащих язв по всему телу и не допустит такой участи для своего сына и внуков.

Но будут ли гневаться боги, если сам Малоун вернется туда, откуда поднялся, во мрак и тьму?

— Господин полковник!

Итан обернулся; к нему бежала чумазая девчонка в лохмотьях, можество таких отираются возле храмов и всегда готовы услужить за мелкую монетку.

— Чего тебе? — хмуро спросил он. Девчонка подбежала и, спрятав руки за спину, важно проговорила, явно стараясь ничего не забыть и не перепутать:

— Сегодня, после вечерней службы Двоим, вас будут ждать у второго контрфорса дома Алламио. Приходите один и не в форме, она вам не идет.

Отчеканив все это, девчонка улыбнулась во весь рот и бросилась бежать, словно Итан мог схватить ее.

«Второй контрфорс дома Алламио, — повторил Итан и вдруг понял, что тоже улыбается, так широко и светло, как улыбался разве что в ранней юности, когда мать еще была жива, а он не имел ни малейшего отношения к Сильным братьям. — Ну что, кажется, игра началась!»

* * *

Дом когда-то принадлежал богатейшей купеческой семье Хвоста, король Стиос даже наградил Алламио медалью за заслуги перед страной. Но с тех пор Алламио успел разориться, его дом, похожий на крепость, переходил из одних рук в другие и успел завоевать славу здания, в котором водятся привидения. Место для встречи было идеальным, здесь редко кто появлялся, особенно по вечерам, когда из теней, как говорят досужие сплетники, выходят пекельные гули и ищут, из кого можно попить крови.

Когда из-за второго контрфорса к Итану скользнула светлая тень, он на мгновение поверил, что все байки, ходящие по городу об этом доме, имеют в себе некое рациональное зерно.

— Форма вам действительно не к лицу, — заметил Апрель. Сейчас он был одет так, как одеваются юные дворянки Хвоста, которым приходят в голову разные вольнодумные мысли вроде поступления в академиум и отка-

за от замужества. На нем были темно-синие бриджи, подхваченные лентами у колен, белая блуза без пышных кружев и жилет с единственной булавкой, черной головой ворона с рубиновыми глазами.

Ни дать ни взять студентка, хотя никакой студентке не придет в голову украшать себя изображением ворона.

Такую дерзость мог позволить себе только Авриль. Вернее, его безумие.

— Не важно, я рад, что вы все-таки пришли, — пробормотал Итан. Авриль усмехнулся и, прислонившись спиной к контрфорсу, поинтересовался:

— Так чего же вы хотите, полковник?

— Вы слышали, что ее высочество Лию отправляют в Дарангвар? — спросил Итан. Авриль кивнул, задумчиво прищурился на кошку, которая вылизывала лапу возле заколоченных дверей.

— Конечно, кто об этом не слышал. Ее отдают замуж за принца Эдварда, это объединит Пятый и Седьмой дома. В перспективе — весь материк. Малоун и Стиос не вечные.

— Верно, — согласился Итан. — Как думаете, ваше высочество, зачем это нужно узурпатору?

Усмешка, скользнувшая по губам Авриля, была одновременно ледяной и очень соблазнительной. Прежде чем отправиться к ритуальным шлюхам, Итан тщательно изучил его досье. Должно быть, все благородные дамы Хвоста, которые падали в постель Авриля как спелые яблоки, клевали именно на эту усмешку.

Она проникала до дна души и застывала там морозным крюком. Не выдернуть, как ни пытайся.

— Принцесса Лия принесет ему базы на побережье Хвоста, — ответил Авриль. — Базы и драконьи кладки. И все это нужно для большой войны с Проморьем. Если

верить «Дарангварскому вестнику», это пираты, которые угнездились на исконных южных землях Дарангварской империи и им давно пора бы задать знатную трепку. Правда, проморцы почему-то не в курсе того, что они пираты.

Итан улыбнулся, утвердительно покачал головой. Страшно захотелось курить; он сунул руку в карман, пытаясь нашарить портсигар, и только тогда вспомнил, что бросил.

— И вы хотите сказать, что не думали о возвращении? Не поверю ни на минуту, уж простите.

Авриль посмотрел на него с улыбкой прожженной кокетки. Со стороны можно было подумать, что у полковника свидание со студенточкой. Да, Сильные братья не заводят семьи, но никто не запрещает им общаться с женщинами.

— Так что вам от меня нужно? — спросил Авриль. — Глемона каждый день пишет его величеству Малоуну, как именно я кого, куда и чем. Вот сегодня о вас написала.

— И в очередной раз убедила его в том, что вы безумны, — рассмеялся Итан. — Конечно, я знаю, что она о вас докладывает. И не она одна.

Авриль вздохнул так, словно снова хотел сказать, что полковник даром тратит его время.

— Я хочу, чтобы вы вернулись, — уже серьезно произнес Итан. — Чтобы забрали себе трон Дарангвара, который принадлежит вам по праву. Нам не нужна большая война с Проморьем, потому что тогда вспыхнет все, и кто останется после того, как пожар угаснет...

Авриль негромко рассмеялся. Сумерки сгустились, свернулись темно-синей кровью, но Итану показалось, что рубиновые глаза ворона вдруг вспыхнули красным.

Должно быть, эта брошь — единственное, что осталось у Авриля в память о том времени, когда он был мужчиной, наследным принцем, будущим главой Седьмого дома.

— А скажите, полковник, — со вздохом поинтересовался Авриль, — его величество Стиос знает об этой вашей аванюре? Или это исключительно ваша затея?

— Чтобы Сильный брат вел свои игры за спиной короля? Как вы себе это представляете?

— Я, видите ли, представляю себе очень многое, — сказал Авриль. — В том числе и полковника из Сильных братьев, который предает короля, ну да ладно... Кто за мной пойдет? У меня, хвала Двоим, больше нет чести моего дома. Кто посадит на трон Дарангвара бывшую ритуальную шлюху, безумца?

Итан усмехнулся.

— Для начала вас поддержит его величество Стиос, — произнес он. — Потому что Хвосту меньше всего нужна война с Проморьем. Мы не хотим расплачиваться жизнью своих людей за амбиции Малоуна. А у его величества есть множество друзей по всему материку, и эти друзья поддержат вас и кошельками, и оружием.

Улыбка Авриля стала мягче и тоскливее. Он задумчиво провел указательным пальцем по подбородку, и выражение его лица сделалось мечтательным и умиротворенным.

— Что интересуется Стиоса, кроме мира? — поинтересовался он. — Что Малоун дает за принцессу?

— Рудники взрыв-камня, — ответил Итан и Авриль задумчиво кивнул.

— Я понимаю, что вам нужны драконы, которые этот камень едят, но вынужден отказаться, полковник, — сказал он. Твердый тон так контрастировал со спокойным

лицом, что Итан не сразу поверил в то, что услышал. — Я не буду посягать на трон Дарангвара, пусть принцесса Лия выходит замуж за Эдварда и правят они долго и славно. Доброй ночи. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Какое-то время Итан стоял оторопев и опомнился только тогда, когда увидел, как Авриль уходит.

Он догнал его, схватил за руку, резко развернул к себе... В свете уличного фонаря лицо Авриля казалось грубо вылепленной маской.

Кукла. Кукла в рост человека, которую оживили магией.

— Объясните, — едва слышным свистящим шепотом произнес Итан.

Изящно очерченные губы дрогнули, уголки их презрительно оттянулись книзу, и Авриль горько рассмеялся.

— Война все равно будет, полковник, и вы это знаете, — вздохнул он. — У Малоуна друзей не меньше, чем у Стиоса. У королей драконы, армии, Сильные братья и разрыв-камень. А у меня только я и моя сестра. Знаете, что с ней будет, если я хоть шаг сделаю с полуострова?

Итан подумал, что в свое время Малоун проявил невероятную дальновидность, когда не стал преследовать и убивать детей короля Ворона. Принц Авриль, сошедший с ума и ставший ритуальной шлюхой, сидел себе на окраине мира под зорким наблюдением, а не лежал под могильной плитой — а значит, не будет никаких самозванцев, никаких лже-Аврилей и никаких проблем, с ними связанных. Принцесса Равена, которая не имеет прав на престол при жизни брата, находится на другом конце материка, живет при храме, готовится стать монахиней, и самое ее существование обеспечивает полное послушание

брата. Умница Малоун, все-таки он умница. То, что он не убил детей прежней династии, прибавило ему уважения и любви, а это не такие мелочи, как может показаться.

— Думаю, что ее убьют, — ответил Итан. — Декан Свен очень зорко за ней присматривает. Он, говорят, умеет держать в руках не только святое Писание, но и саблю.

— Вот именно. — Лицо Авриля снова дрогнуло — он успокаивался, брал себя в руки и снова делался привычным собой — ледяным, спокойным, равнодушным. То, что проступило в нем при словах о сестре, снова погружалось на дно души. — Хорошо, что вы это понимаете.

Итан рассмеялся. Похлопал Авриля по плечу и тотчас подумал, что с барышнями так себя не ведут.

«Он не барышня», — запоздало вспомнил Итан, и ему в очередной раз за сегодняшний день сделалось не по себе.

— Пусть и Малоун так думает, — сказал он. — Чем позже он поймет, что декан Свен давно играет за нас, тем будет лучше. Ваша сестра в безопасности, Авриль. Вы можете выступить хоть завтра.

* * *

Свен Свенссон, декан собора Двоих в центре Каттерика, спустился с лестницы, осторожно прижимая к себе Послания Пророка. Равена терпеливо ожидала внизу и, глядя на нее, Свенссон в очередной раз подумал, что его воспитанница выросла слишком быстро.

...Ее привезли в собор поздним вечером. Холодный ветер, дождь со снегом, долгое путешествие... Девочка, которую вытолкнули к Свенссону из-за спин офицеров личной охраны Малоуна, казалась маленьким заледеневшим привидением. Похоже, ее вытащили из кровати, во всяком случае, одежда под небрежно наброшенным на

плечи клетчатым платком была подозрительно похожа на ночную рубашку.

«Простудилась, — подумал Свенссон. — Ее и везли так, чтобы она простудилась. Простуда перейдет в воспаление легких, и все закончится».

— Слава Двоим! — воскликнул один из офицеров. — Король Ворон пал в ночь Птичьей звезды. Да здравствует Малоун Бренуи, владыка Седьмого дома и Дарангвара!

— Слава Двоим! — откликнулся Свенссон, подумав, что Малоун наконец-то добился своего. Его всегда считали человеком Малоуна, и он делал все, чтобы новый государь не терял в этом уверенности. — Кто это?

Девочка шмыгнула носом. Только сейчас Свенссон понял, что она прижимает к груди маленького игрушечного медвежонка, такого же мокрого и несчастного, как и его хозяйка. Сердце кольнула жалость — настолько искренняя и глубокая, что Свенссон испугался, что она отразится на его лице.

— Равена Тисон, — ответил офицер, а Свенссон растерянно подумал: «Если ее отец убит, то почему она еще жива?»

Уже потом он узнал, что вечером перед переворотом Малоун молился Двоим и просил послать ему удачу. Тогда он дал зарок: если победит, ни один человек не будет казнен до совершеннолетия. И Мать, великая и сострадательная, услышала его и спасла жизнь Равене и Аврилю.

И вот Малоун поручал девочку заботам Свенссона с условием постоянного наблюдения и с оплатой в десять золотых орлов ежемесячно. Когда офицеры покинули собор, Свенссон какое-то время стоял, спрятав руки в карманы и хмуро глядя поверх темноволосой головы Раве-

ны, а потом спросил, не зная, что еще можно спрашивать в таких обстоятельствах:

— Хочешь есть?

На него никогда не сваливались чужие дети, которых теперь надо будет воспитывать. Равена шмыгнула носом и кивнула. Свенссон отвел ее в ту часть собора, которая служила ему домом, разогрел остатки ужина и, глядя, как девочка жадно поедает рагу, думал, что Малоун переложил решение проблемы с принцессой павшего дома на его плечи. От этого ему все больше и больше становилось не по себе.

«Я многим обязан Малоуну, — подумал Свенссон, — а долг платежом красен. Прикажет ли он мне взять саблю или задушить ее подушкой?»

Доев, Равена Тисон, принцесса павшего дома, какое-то время сидела, уставившись на своего медвежонка. Свенссон стоял у стены, скрестив руки на груди, и хмуро думал о том, что девочке придется выделить комнату. А еще купить одежду, обувь, и лекарства нужны...

Хватит ли для этого десяти золотых орлов? У него не было семьи, и он понятия не имел, что делать с ребенком. Когда девочка заговорила, Свенссон даже вздрогнул от неожиданности.

— Они ударили папу в спину. Он упал и пытался встать, а они все били его. И больше он не поднимался. А потом пришел тот, другой. И ударил папу табакеркой по голове.

Свенссон понятия не имел, что тут можно сказать. Он знал, что девочку нужно утешить, но не было слов, которые утолили бы ее боль.

— Мы с тобой будем молиться за него, Равена. Двое, милосердная Мать и добрый Отец, примут его и простят за все, — произнес Свенссон.

Девочка вдруг посмотрела на него так, словно увидела по-настоящему только сейчас...

— Все в порядке, господин декан? — спросила Равена. Свенссон протянул ей книгу и ответил:

— Задумался о том, что дети растут слишком быстро.

Равена звонко рассмеялась. Если о декане Свене Свенссоне говорили, что он улыбнулся всего один раз в жизни, то его воспитанница хохотала за двоих. У нее был веселый нрав, и иногда Свенссон думал, что при дворе ее бы звали Смешливой принцессой.

— Разве это плохо? Вот мне уже восемнадцать, — улыбнулась Равена. — Через десять дней я уеду в Карвалинский монастырь, и вы наконец-то от меня отдохнете.

Свенссон посмотрел на нее так, что Равена снова рассмеялась.

— Никто не будет таскать лягушек, — принялась загибать пальцы девушка. — Никто не станет лазать через кладбищенскую ограду за яблоками на могиле Сварливого Джереми. Никто не примется умничать по поводу агностиков, которые уверены, что мир непознаваем. Вот видите, декан, скольких хлопот и проблем вы разом лишитесь!

Свенссон осторожно, словно боясь сломать, обнял принцессу за плечи. За десять лет он настолько привык к ней, что стал считать своей дочерью, и ее отбытие в монастырь по приказу Малоуна давно уже не казалось ему удачным решением. Он хотел, чтобы Равена осталась в Каттерике: вышла бы замуж, нарожала бы ему внуков. Кто знает, может, увидев ее первенца, декан Свенссон улыбнулся бы во второй раз.

— Ты уже давно не таскаешь лягушек, — вздохнул он. — И через ограду не лазаешь.

— Конечно! — воскликнула Равена. — Тогда сторож подумал, что я привидение, и я решила больше его не пугать.

— Ты сорванец, — сказал Свенссон. — Но очень умный и правильный сорванец. Зачем быть благородной девицей, если одни стены меняешь на другие? Но знаешь, я очень рад, что эти десять лет ты провела здесь, со мной.

Равена улыбнулась, обняла его, уткнулась лбом в грудь. «Вот она уедет, — подумал Свенссон. — А как же я?»

Что чувствуют птицы, когда пустеет гнездо?

— Вот бы его величество решил оставить меня здесь, — вздохнула Равена. — Я ведь никому не мешаю, сижу себе потихоньку...

Свенссон кашлянул.

— Да знаю я, как именно выглядит это «потихоньку», — ответил он. — Зачем юной девице Послания Пророка?

Равена отстранилась от него, взвесила книгу на ладони и заметила:

— С загнутой страницей, на минуточку! А эта загнутая страница, между прочим...

— Молчи, — произнес Свенссон. — Молчи, невыносимая девчонка, и иди уже, куда собиралась.

Равена снова рассмеялась, прижала книгу к груди и быстрым шагом направилась к выходу из библиотеки. Девушка со святой книгой, что может быть благоразумнее, приличнее и порядочнее? И лишь нужные люди знают, что святая книга — это пропуск в типографию, где сегодня тайно допечатывают очередной памфлет, автор которого скрывается под именем сказочного Робина Хонни, борца за народную свободу.

Малоун считал Свенссона своим человеком.

Свенссон уже много лет считал иначе.

Равена вдруг вернулась; не выпуская из рук книгу, она держала огромный темно-красный конверт с королевскими печатями, и ее лицо, кажется, состояло из одних только глаз — испуганных, широко распахнутых. Свенссон узнал печати и конверт; в таком же десять лет назад Малоун передал ему инструкции относительно того, что делать с Равеной Тисон.

— Что это? — прошептала девушка, не сводя глаз со Свенссона. — Это от короля... тебе.

Свенссон взял конверт, сломал печати и некоторое время вчитывался в послание Малоуна. Когда он закончил чтение и убрал письмо обратно в конверт, лицо Равены сделалось посеревшим и осунувшимся, словно жизнь покинула ее.

— Что? — Равена готова была расплакаться. — Отец, король решил убить меня?

— Нет, — откликнулся Свенссон. — Он приказывает тебе выйти замуж за сьора Ньюта Гранвилла.

«Постой, как ты назвала меня?»

— Двое всемилостивые... — прошептала Равена. — Лучше умереть!

* * *

Клер любила проводить вечера возле фонтана в центре дворцового парка. Все давно выучили эту ее привычку и знали, если сьоррен здесь, значит, она хочет побыть одна. Статуя для фонтана была привезена с Восходных островов, и Клер не знала, кого в точности она изображает, то ли льва, то ли кота с кудрявыми усами и с широко распахнутой пастью, усеянной зубами. За день светлые прожилки камня впитывали свет, в вечернем сумраке над

статуей разливалось сияние и казалось, будто звериная морда запачкана кровью.

Эвила сначала боялась льва и не хотела играть возле фонтана даже в жаркие дни, когда здесь царила приятная прохлада, и Клер не удивилась, узнав, что и принцесса Равена когда-то тоже избегала подходить к нему. Клер села на скамью, устало вытянула ноги и вспомнила слова Стафани, которые он сказал, когда она выходила из его кабинета:

— Теперь все должно быть хорошо, съоррен Клер. Я надеюсь. Вы все сделали правильно.

Из аллеи донесся выстрел, и встревоженные вороны черным облаком поднялись с деревьев, разразившись возмущенной птичьей руганью. Его величество Малоун ненавидел воронов, символ прежнего королевского дома. Они держались в его дворцовом парке с царственной независимостью, не обращая внимания ни на трещотки, ни на ловушки, ни на яд в приманках — чем сильнее воронов пытались истребить, тем больше их становилось.

Тогда Малоун заказал новое ружье и по вечерам стал выходить на охоту. Говорили, что он ни разу не промахнулся. Клер видела ружье Малоуна, приклад был украшен тонкой резьбой, изображавшей волка, который придавил лапой ворона. Должно быть, Малоун всей душой ненавидел Айка Тисона, раз нуждался в том, чтобы каждый день истреблять воронов.

Еще один выстрел — и Клер увидела, как ворон упал на дорожку, забил крыльями, пытаясь подняться. Вскоре появился король, он подошел к ворону, посмотрел на него так, словно перед ним была не птица, а его давний соперник, и ударом ноги отправил ворона в траву. Убрал с дороги, как когда-то сделал в ночь Птичьей звезды.

Клер почему-то обрадовалась, что на ней платье из темно-синего шелка и она почти незаметна в сумерках. Послышались шаги и голоса.

— Сколько ты уже убил?

Эдвард догнал отца и неторопливо побрел с ним рядом. Клер подумала, что еще может встать и уйти так, что они ее не увидят, — и не смогла пошевелиться.

— Сегодня это второй. Тебе их жалко?

— Нет. Не люблю воронов.

Клер думала, что они выйдут к фонтану, но Малоун пошел по дорожке за кустами бирючины. Он всегда относился к Клер со спокойной вежливостью, искренне любил внуков, и иногда Клер думала, что если бы отец признал ее своей законной дочерью, то Малоун одобрил бы ее свадьбу с Эдвардом.

Но отец был исключительным скрягой. Необходимость дать дочери приданое, достойное будущей королевы, сводила его с ума.

— Я пришел в тот момент, когда его уже добивали, — произнес Малоун, и Клер поняла, что речь идет о ночи Птичьей звезды. — Хотел, чтобы он увидел мое лицо и понял, кто займет его место. Но он уже ничего не понимал от боли. Он не знал, кто стоит перед ним.

Эдвард усмехнулся.

— И ты взял со стола табакерку и ударил его в висок. Просто чтобы все это закончилось.

Еще один выстрел. Очередной ворон упал в кусты.

— Да. Потом я опустил руку и увидел девчонку за шторами.

Клер знала, что Равена Тисон видела, как убивали ее отца, но сейчас у нее все равно похолодели руки.

— А где сейчас табакерка? — поинтересовался Эдвард.

— Храню ее у себя в кабинете. Там на крышке темное пятно, оно так и не оттирается.

Король и принц прошли чуть дальше, и Клер услышала, как они сели на скамью. Встревоженные вороны, накричавшись вдоволь, улетели в сторону дворца, и Клер вдруг отчаянно захотелось оказаться в своих покоях, там, где спокойно и уютно, там, где призраки прошлого не поднимаются во весь рост.

Но она продолжала сидеть, понимая, что если шевельнется, то ее заметят. И вряд ли Малоун будет этому рад. Клер прекрасно знала: когда люди хотят побыть наедине со своими мыслями, им не нужны свидетели. Малоун, конечно, ничего не скажет вслух, но Клер не нужна его неприязнь.

— Если ты думаешь об Авриле Тисоне, то напрасно, — с искренним теплом произнес Эдвард. — Скорее небо упадет на землю, чем он наденет дарангварскую корону.

Бабушка говорила, что, подслушивая, не услышишь ничего хорошего, но Клер часто подслушивала чужие разговоры. Иногда это помогало выжить. А еще бабушка говорила, что все в руках Двоих и иногда они делают невероятные вещи.

И от этого ей было страшно.

— Я понимаю, — согласился Малоун. — Это на юге все готовы его носить на руках, а в Ливендоне культ Черной матери Глевы не так силен, как в Ахани. А Север? Северяне вспыхнут от гнева так, что он превратится в тропики. Я все понимаю, Эдвард. И сам не знаю, почему мне настолько не по себе.

— Он десять лет тихо сидел в Ахани. И просидит там столько же. Его покорность сохраняет жизнь девицы Тисон.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Брат и сестра	5
<i>Глава 2.</i> Вепрь	49
<i>Глава 3.</i> Морской волк	72
<i>Глава 4.</i> Приворот	115
<i>Глава 5.</i> Свиненьш	141
<i>Глава 6.</i> Слово короля	169
<i>Глава 7.</i> Волк умирает	192
<i>Глава 8.</i> Лебедь и Ворон	221
<i>Глава 9.</i> Побег	251